

Рейчел
ГИБСОН

ВЛЮБЛЕННАЯ
В ТЕБЯ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-31(73)
ББК 84 (7Coe)-44
Г46

Серия «Все оттенки желания»

Rachel Gibson
TANGLED UP IN YOU

Перевод с английского *Е.Ю. Елистратовой*

Компьютерный дизайн *Г.В. Смирновой*

Печатается с разрешения автора
и литературных агентств Folio Literary Management,
LLC и Prava I Prevodi International Literary Agency.

Гибсон, Рейчел.

Г46 Влюбленная в тебя : роман / Рейчел Гибсон ; [пер. с англ. Е. Ю. Елистратовой]. — Москва : Издательство АСТ, 2015. — 288 с. — (Все оттенки желания).

ISBN 978-5-17-085470-7

Много лет назад в баре маленького тихого городка прогремели выстрелы — жена владельца убила сначала мужа, потом молодую официантку и покончила с собой.

Но что послужило причиной трагедии? Что к ней привело?

Годы спустя дочь убитой официантки Мэнди Дюпре, ставшая знаменитой писательницей, возвращается в городок своего детства, чтобы разгадать тайну случившегося. Однако горожане не желают беспокоить тени прошлого, и единственный, кто готов помочь Мэнди, — это красавец Майк Хеннесси, управляющий семейным баром, в котором когда-то разыгралась кровавая драма.

Майк и Мэнди влюбляются друг в друга — страстно, пылко.

Но если разгадка будет найдена — не разрушит ли это надежды влюбленных на счастье?..

УДК 821.111-31(73)
ББК 84 (7Coe)-44

© Rachel Gibson, 2007

© Перевод. Е.Ю. Елистратова, 2014

ISBN 978-5-17-085470-7 © Издание на русском языке AST Publishers, 2015

Глава 1

Ослепительно-белый неон вывески над баром «Морт» пульсировал и вибрировал, приманивая томимых жаждой обитателей городка Трули, штат Айдахо, точно фонарь, к которому слетаются бабочки. Но заведение это было чем-то большим, нежели местом, где пьют холодное пиво «Корс» и устраивают драки пятничными вечерами. Историческое значение — вот что было у «Морта». Другие заведения открывались и закрывались в этом маленьком городке, а «Морт» всегда оставался, причем одним и тем же.

До тех пор пока — примерно год назад — новый хозяин не вооружился галлонами лизола и краски, чтобы привести бар в порядок, и не ввел строгие правила типа «не швыряться трусиками». Прежде мода набрасывать нижнее белье вместо обручей на вывешенные в ряд над барной стойкой оленьи рога даже поощрялась — то было нечто вроде спортивного развлечения, теперь же, если бы какой-нибудь дамочке взбрело в голову бросаться трусиками, ее бы вышвырнули отсюда.

Ах, эти старые добрые времена!..

Мэдди Джонс стояла на тротуаре напротив «Морта», не сводя глаз с вывески, — стояла совершенно нечувствительная к соблазну яркого неона вывески, сиявшей в наступающих сумерках. До нее доносился гул голосов, а также музыка из старого здания, зажа-

того между магазином хозяйственных товаров Эйса и рестораном «Панда».

Мимо Мэдди проследовала парочка в джинсах и майках. Дверь приоткрылась, и на главную улицу, Мэйн-стрит, обрушились гул голосов и резкий перебор гитарных струн — то была кантри-музыка, которую ни с чем не спутаешь.

Дверь захлопнулась, а Мэдди так и осталась стоять снаружи. Она поправила ремешок сумочки на плече, потом застегнула «молнию» мешковатого голубого свитера. Уже двадцать девять лет она не бывала в этом городке. Вот и забыла, как прохладно здесь по ночам. Даже в июле.

Ее рука потянулась было к старой двери, но потом бессильно упала; неожиданно нахлынула волна нехороших предчувствий, подняв дыбом волоски на затылке и скрутив судорогой желудок. Но она ведь делала подобное десятки раз... Тогда откуда же тревога? И почему сейчас? Впрочем, Мэдди знала ответ на этот вопрос. Потому что на сей раз это было личное. Как только она откроет эту дверь, как только сделает первый шаг — обратного пути не будет.

Подруги Мэдди были бы шокированы, если бы увидели ее сейчас неподвижную, будто застывшую в цементе. Она же брала интервью у серийных маньяков и хладнокровных убийц! Но болтать с антисоциальными личностями с нарушенной психикой — это просто кремовое пирожное по сравнению с тем, что ожидало ее в баре «Морт». За вывеской «Лица младше двадцати одного не допускаются» Мэдди дождалось ее прошлое. И насколько она уяснила в последнее время, копать в прошлом других людей — несравнимо проще, чем в своем собственном.

— Бога ради... — пробормотала она, снова протягивая руку к двери. С отвращением к самой себе — что за младенческое хныканье? — Мэдди пристукнула свои страхи тяжелым кулаком сильной воли. С ней не случится ничего такого, чего она не желала бы допустить. Она контролирует обстановку. Как всегда.

Мэдди шагнула внутрь, и на нее обрушились тяжелое буханье музыкального автомата, а также вонь дешевой дури и табака. Дверь хлопнула за ее спиной, и она задержалась у порога, чтобы глаза привыкли к полумраку. «Морт» — всего лишь питейное заведение. Как тысячи других по всей стране, где ей доводилось побывать. Да-да, ничего особенного! Даже олени рога над длинной стойкой красного дерева не представляли собой ничего выдающегося.

Мэдди не любила бары. Особенно ковбойские. Дым, музыка, нескончаемые потоки пива... Да и сами ковбой ей не очень-то нравились. По ее мнению, джинсы «Рэнглер» в обтяжку на тугих ковбойских ягодицах никак не компенсировали созерцание сапог с пряжками и комки жвачки. Ей нравились мужчины в костюмах и в итальянских кожаных туфлях. Впрочем, почти четыре года у нее не было не то что мужчины — даже простого свидания не было!

Она рассматривала толпу, пробираясь к центру дубовой стойки с единственным свободным стулом. Глаза ее машинально зафиксировали ковбойские шляпы и кепки дальнобойщиков; были тут и стрижки «ежиком», а также — конские хвосты и кудри до плеч. И еще — жуткие челки, завитые кверху, наихудший образец всего того, что могли дать миру восьмидесятые. А вот чего Мэдди не увидела — так это человека, ради которого сюда явилась. Впрочем, она по-настоящему и не надеялась, что увидит его за одним из столиков.

Мэдди взгромоздилась на стул между мужчиной в синей футболке и женщиной с выжженными перекистью волосами. Позади кассы с наличностью и бутылок со спиртным висело зеркало во всю длину стойки, и там же два бармена цедили пиво и смешивали напитки. Но ни тот ни другой не являлись владельцами заведения.

— Эта девица была из «группы переменного тока», если вы понимаете, о чем я, — пробубнил мужчина слева от Мэдди, и она догадалась, что он имел в виду вовсе не исполнителей таких хитов, как «Снова в трауре» или «Дорога в ад». Этому типу было около шестидесяти, и его облик дополняла потрепанная кепка дальнобойщика, имелся также пивной живот размером с брюхо пони. Глядя в зеркало, Мэдди видела, как несколько сидящих за стойкой мужчин кивали, внимая парню с пивным животом.

Один из барменов положил перед ней салфетку и спросил, что она будет пить. На вид парню было лет девятнадцать, хотя, как полагала Мэдди, все-таки он был старше двадцати одного — то есть вполне мог разливать спиртное среди клубов табачного дыма.

— «Сапфировый мартини». Экстрасухой. Три оливки, — ответила Мэдди, подсчитывая калории в оливках. Она положила сумочку на колени и стала смотреть, как бармен снимал с полки бутылки с джином и вермутом.

— И я сказал этой маленькой шлюшке, что она может оставить при себе свою любовницу при условии, что будет время от времени приводить ее ко мне, — продолжал тип слева.

— И правильно, черт возьми!

— Так о чем я и толкую!

Что ж, в конце концов это Айдахо, сельская глушь, где на такие вещи, как законы о спиртных напитках,

смотрят сквозь пальцы, а грязные истории сходят у некоторых за особый литературный жанр.

Мэдди прикусила губу, чтобы удержать комментарии при себе, у нее была привычка высказывать свои мысли вслух. Впрочем, она не думала, что это такая уж плохая привычка, хотя нравилась она далеко не всем.

Глядя в зеркало, Мэдди обводила взглядом бар, пытаясь отыскать хозяина. Но если честно, то она не ожидала увидеть, что он плюхнется на стул за одним из столиков. Когда Мэдди позвонила в другой городской бар, также принадлежавший этому человеку, ей сообщили, что сегодня вечером он будет здесь, в «Морте». «Наверное, — решила она, — этот тип торчит в своем офисе и просматривает бухгалтерские книги». А если он пошел в своего папашу, то осмотру подвергались не накладные, а ляжки барменши.

— Я плачу за все! — крикнула своей подруге женщина на противоположной от Мэдди стороне. — Я даже купила себе открытку на день рождения и подписала — «от Дж. В.». Подумала, ему станет совестно, когда он поймет намек.

— О-о, с ума сойти... — не удержалась от комментария Мэдди, разглядывавшая в зеркале отражение женщины. Между бутылками водки «Абсолют» и «Скай» она видела пышную копну обесцвеченных волос, ниспадавших на полные плечи, и груди, вываливавшиеся из выреза ярко-красной усыпанной стразами майки.

— Но ему совсем не было стыдно! Он просто сказал, что ему не нравятся слащавые открытки вроде той, что я купила. — Женщина отпила из своего стакана. — Он хочет, чтобы я пришла к нему в следующий уик-энд, когда его мамаша уедет из города, и приготовила обед. — Она утерла влагу под глазами и шмыгнула носом. — Я подумываю о том, чтобы сказать ему «нет».

Брови Мэдди сошлись на переносице и возглас: «Что за дерьмо!» — слетел с ее губ прежде, чем она это поняла.

— Вы что-то сказали? — спросил бармен, поставив перед нею стакан.

Мэдди покачала головой:

— Нет, ничего. — Она сунула руку в сумочку и заплатила за выпивку, а в это время из сияющего неонном музыкального автомата забухали такты песни о «Веселом заведении и невезении». «Какого черта все это могло означать?» — сливалось с устойчивым гулом разговоров.

Закатив рукав свитера, Мэдди протянула руку к своему мартини. Поднося стакан к губам, взглянула на светящиеся стрелки часов. Девять! Раньше или позже, но хозяин должен был показать свое личико. Если не сегодня, так завтра. Она сделала глоток, и смесь джина с вермутом проложила жаркую дорожку в ее желудок.

Право же, она очень надеялась, что он появится пораньше, пока она не выпьет слишком много мартини и не забудет, зачем сидит на высоком барном стуле, подслушивая стенания неудовлетворенных пассивно-агрессивных дам и придурковатых типов. Хотя, с другой стороны, иногда это было неплохое развлечение — слушать людей, жизнь которых казалась еще более жалкой, чем ее собственная.

Мэдди поставила стакан на стойку. Не так уж она любила подслушивать. Она предпочитала прямой подход — копать в чужих жизнях, настойчиво проникая в самую суть их маленьких тайн. Некоторые расставались со своими секретами без особых возражений, напротив, охотно выбалтывали всю подноготную. Другие вынуждали ее потрудиться — вырывать правду с кор-

нем. Иногда правда была грязной, но всегда — смелой и без прикрас. Но она любила писать о серийных маньяках, массовых убийствах и даже о заурядных психопатах.

Что ж, девушке нужно же чем-то выделиться, и Мэдди, которая писала под псевдонимом Маделин Дюпре, была одним из лучших авторов криминального жанра. Она писала о крови. О больных физически и душевно, и находились даже такие — в том числе ее подруги, — кто полагал, будто она писала, насилуя собственную личность. Мэдди нравилось думать, что это прибавляло ей шарма.

Правда же была где-то посередине. Ужасы, которые она наблюдала и о которых писала, действительно причиняли ей вред. Какой бы прочный барьер ни ставила Мэдди между собственным рассудком и людьми, у которых брала интервью и которых подвергала исследованию, их ущербность находила в ее барьере трещины. И потом было дьявольски трудно отмыться от всего этого...

Такая работа заставляла ее видеть мир немного по-другому — не так, как видели его те, кто ни разу не сидел напротив серийного убийцы, вываливающего на тебя подробности своих «подвигов». Но эта же работа сделала Мэдди сильной женщиной, которую никому не взять голыми руками. Она почти ничего не боялась и не питала иллюзий относительно человечества в целом. Конечно, умом она понимала, что подавляющее большинство — это совершенно приличные люди, дай им шанс, и они поступят так, как будет правильно. Но Мэдди знала и других — пятнадцать процентов тех, кого заботили лишь собственные эгоистические и извращенные удовольствия. Из этих пятнадцати процентов лишь два приходилось на долю настоящих

серийных убийц. Прочие отклоняющиеся от социальной нормы персонажи были обыкновенными насильниками, убийцами на бытовой почве и управляющими фирм, втайне потрошившими пенсионные счета своих сотрудников.

Кроме того, Мэдди знала наверняка: тайны имелись у всех — это было непреложно, как и тот факт, что солнце встает на востоке и садится на западе. У нее самой было несколько секретов, только она их всегда держала при себе.

Мэдди снова поднесла стакан к губам, бросая взгляды в дальний конец бара. Там открылась дверь, и из освещенного коридора в темный холл шагнул мужчина.

Мэдди тотчас узнала его — узнала, прежде чем он успел выйти из темноты, когда тени скользнули по широкой груди и могучим плечам, обтянутым черной футболкой. Она узнала его даже до того, как свет выхватил из тени подбородок и заиграл в волосах — черных, как ночь, из которой он только что явился.

Он зашел за стойку, на ходу обматывая красным фартуком бедра и затягивая завязки поверх ширинки. Мэдди никогда с ним не встречалась, но знала, что ему тридцать пять, он был на год старше нее. И еще она знала, что его рост — шесть футов два дюйма, а вес — сто девяносто фунтов. Двенадцать лет этот человек прослужил в армии, где летал на вертолетах и сеял смертоносный дождь из ракет типа «Хеллфайер». Ему дали имя в честь отца, и звали его Локлин Майкл Хеннеси, но все называли его просто Майк. Как и его отец, он был ошеломительно красив. Головы поворачивались ему вслед, переставали биться женские сердца, и дам посещали безумные мысли — фантазии о жарких губах

и сброшенной наспех одежде. Мечты о соприкосновении обнаженных тел на заднем сиденье автомобиля...

Впрочем, Мэдди подобные мысли не посещали.

У него была старшая сестра по имени Мэг, и в этом городке ему принадлежали два бара — «Морт» и «Хеннеси». Причем последний принадлежал его семье даже дольше, чем он сам прожил на свете. «Хеннеси» — бар, где работала мать Мэдди! Там ей встретился Лок Хеннеси, и там она умерла.

Он словно почувствовал, что она на него смотрит, и поднял взгляд от завязок фартука. Остановился в нескольких футах от нее, и их глаза встретились. Мэдди судорожно закашлялась — джин не желал литься в горло. Она знала — по данным его водительского удостоверения, — что глаза у него голубые, но они оказались скорее темно-бирюзовыми, как Карибское море. И было потрясением — видеть, как эти глаза смотрят на нее.

Мэдди опустила свой стакан и прикрыла ладонью рот.

Последние такты песни о веселом заведении смолкли, когда он окончательно затянул завязки фартука и шагнул к ней. Теперь их разделяли всего несколько футов.

— Думаете, не до смерти? — слышался его низкий голос.

Она сглотнула слюну и опять закашлялась.

— Надеюсь, нет. Выживу.

— Эй, Майк! — возвала блондинка с соседнего стула.

— Привет, Дарла. Как дела?

— Бывает лучше.

— Ну у тебя всегда так, правда? — спросил он, бросая взгляд на женщину. — Надеюсь, будешь вести себя прилично.

— Ты же меня знаешь! — рассмеялась Дарла. — Я всегда намереваюсь вести себя прилично. Но, разумеется, меня можно уговорить расшалиться.

— Однако твое белье останется сегодня на тебе, правда? — Он приподнял темную бровь.

— Я никогда не знаю заранее. — Блондинка снова рассмеялась. — Ведь неизвестно, что я могу выкинуть. Иногда у меня сносит крышу.

Только иногда? Купить самой себе поздравительную открытку, чтобы бойфренд ее подписал? Это был пассивно-агрессивный тип с уклоном в помешательство.

— Смотри, чтобы твои трусы оставались там, где положено, иначе мне снова придется выставить тебя отсюда с голой задницей.

Снова?.. Неужели такое уже случилось? Мэдди сделала очередной глоток и бросила взгляд на объемистый зад блондинки, втиснутый в «рэнглеры».

— Держу пари, вам всем очень хотелось бы это увидеть! — заявила Дарла, тряхнув копной волос.

И Мэдди опять поперхнулась коктейлем — второй раз за вечер.

Она услышала тихий смех Майка и увидела веселые огоньки в его поразительно голубых глазах.

— Дорогая, не принести ли вам воды? — спросил он. Откашлявшись, Мэдди покачала головой.

— Коктейль слишком крепкий?

— Нет. Все в порядке. — Кашлянув в последний раз, она поставила стакан на стойку. — Просто представила себе нечто ужасное.

Уголки его губ дрогнули в улыбке, и на щеках обозначились ямочки.

— Я вас здесь раньше не видел. Вы тут проездом?

Мэдди заставила себя забыть видение огромной голой задницы Дарлы и вспомнить, по какой причине она явилась в «Морт». Она предполагала, что Майк Хеннеси внушит ей антипатию с первого взгляда. Но этого не случилось.

— Нет. Я купила дом на Ред-Сквиррелл-роуд.

— Милое местечко. Ваш дом на самом берегу озера?

— Да.

«Похоже, — подумала она, — Майк унаследовал также отцовский шарм в придачу к прекрасной наружности».

Мэдди уже успела узнать: очарования Локу Хеннеси вполне хватало, чтобы укладывать женщин в штабеля, едва посмотрев в их сторону. Несомненно, так он очаровал и ее мать.

— Значит, приехали провести лето?

— Да.

Склонив голову к плечу, Майк внимательно разглядывал ее, и это продолжалось довольно долго. Наконец он спросил:

— Как вас зовут, кареглазка?

— Мэдди, — ответила она, задержав дыхание. Вдруг он отыщет связь с прошлым? Своим прошлым...

— Просто Мэдди?

— Дюпре, — ответила она, прибегнув к псевдониму.

Кто-то в зале окликнул Майка по имени, и он на минуту отвлекся, прежде чем снова сосредоточить внимание на Мэдди. Причем одарил ее непринужденной улыбкой, от которой на щеках снова заиграли ямочки, смягчившие его мужественные черты. Он ее не узнал!

— А меня зовут Майк Хеннеси. — Опять заиграла музыка и он добавил: — Добро пожаловать в Трули. Может быть, как-нибудь увидимся.

Мэдди смотрела ему вслед. Она так и не сообщила ему цель своего приезда в город и не объяснила, зачем

торчала в «Морте». Так что Майк Хеннеси даже не догадывался, что ему теперь придется очень часто с ней видаться. И в следующий раз, вероятно, встреча будет куда менее приятной.

Звуки и запахи бара давили на нее, и Мэдди, перебросив сумочку через плечо, соскользнула с высокого стула и пошла сквозь толпу и дымный полумрак. В дверях оглянулась на барную стойку и Майка. Освещенный светом висевшей над ним лампы, он склонил голову к плечу и улыбнулся. Мэдди замерла, сжимая дверную ручку. А он отвернулся и стал наливать пиво из одного из многочисленных кранов.

Тем временем из музыкального автомата звучало что-то про виски для мужчин и пиво для лошадей. Взгляд Мэдди задержался на черных волосах Майка и на его широких плечах, обтянутых черной футболкой. Повернувшись, он поставил стакан на стойку. Мэдди видела, что он смеялся чему-то, и вдруг поняла: каким бы ни представляла она себе до этого Майка Хеннеси, он все же умел весело смеяться и обворожительно улыбаться.

Тут он взглянул на нее сквозь завесу сигаретного дыма, и она почувствовала, как он тянется к ней и ощупывает ее, хотя, конечно же, это была полнейшая иллюзия. Она ведь стояла возле двери, в самой темноте, и вряд ли он сумел бы ее разглядеть.

Открыв наконец дверь, Мэдди шагнула на улицу, в вечернюю прохладу. Пока она сидела в баре, на Трули спустилась ночь, подобная тяжелому черному занавесу. К счастью, горело несколько вывесок. И кое-где светились уличные фонари.

Ее черный «мерседес» был припаркован на другой стороне улицы, перед магазином спортивного белья

Тины и художественной галереей «Рокхаунд». Она дождалась, когда проедет желтый «хаммер», и лишь затем сошла с обочины и пошла через дорогу — прочь от сияния неоновой вывески бара «Морт».

Ключ был не нужен; при приближении хозяйки электронный передатчик в сумочке открыл замок водительской дверцы. Открыв дверцу, Мэдди скользнула в прохладный кожаный салон. Вообще-то она мало интересовалась вещами. Была равнодушна к одежде и обуви. Поскольку теперь ей ни перед кем не нужно было раздеваться, она могла не волноваться из-за того, что ее бюстгальтер не подходил к трусикам. И дорогих украшений у нее не было. «Мерседес» она купила два месяца назад, а до этого накрутила двести тысяч миль на «Ниссане Сентра». Ей требовалась новая машина, и она присматривалась к «вольво», но на глаза ей попался черный седан S-600. Огни выставочного зала озаряли машину, и это было как божий знак. Мэдди могла бы поклясться, что слышала, как ангелы выводят «Аллилуйя» — будто хор мормонов на своем модельном сборище. Кто она такая, чтобы пренебрегать советом Всемогущего? После переговоров с дилером она несколькими часами позже выкатила машину из автосалона и поставила в гараж своего дома в Бойсе.

Мэдди нажала стартовую кнопку и включила фары. Ожила стереосистема, и салон «мерседеса» заполнили звуки «Неуравновешенного мальчика» Уоррена Зивона. Она съехала с обочины и сделала разворот на середине Мэйн-стрит. В текстах Уоррена Зивона ей слышалось нечто восхитительное и пугающее — казалось, что заглядываешь в мозг человека, стоящего на грани между здравым рассудком и болезнью; и человек это время от времени заносил ногу над последней чертой — забавлялся таким образом, а затем отскакивал прежде,